

И ценности моей жизни

В ЧЕТВЕРГ ПОУТРУ С ГРИГОРИЕМ ЧХАРТИШВИЛИ

Когда мы только договаривались о встрече, он принялся описывать свою внешность: чтоб узнали. Да так чистосердечно, что было даже как-то неловко перебивать: «Григорий Шалвович, да мы, слава богу, уже успели выучить, как вы выглядите».

Что поделаешь? Это когда Чхартшвили был японистом, переводчиком, автором масштабного труда «Писатель и самоубийство» и зам. главного «Иностранной литературы», его узнавали только избранные. С тех пор как он стал модным Б. Акуниным, автором нескольких детективных серий, его лицо успело примелькаться. Так что неудивительно, что, будучи опознанным и представленным редакцией, Чхартшвили перво-наперво тяжело вздохнул: «Чаще всего мне задают одни и те же вопросы. Признаться, я уже не могу отвечать на них всерьез. Можно, я начну обманывать прямо с вашей газеты?»

Мы разрешили.

Общая газета, - 2000, -
9-15 ноября, с. 10

- Как появился псевдоним «Б. Акунин»? Откуда родом Григорий Чхартшвили?
- Как родилось ваше увлечение Японией и интерес к суициду?
- Вы пишете по плану, или вас может захватить стихия?
- Вы были человеком приватным, сегодня, волею судеб, стали человеком публичным. Вы ощущаете издержки публичности?

— ВРАТЬ так врать. Бакунин — политический деятель, имеющий ключевое значение для моего проекта. Как в XIX веке каждый порядочный человек, живший в России, должен был быть хоть немножко анархистом, так, мне кажется, анархизм совершенно необходим нынешнему состоянию русской литературы. Анархизм моего проекта в том, что в нем в одну кучу смешиваются два жанра: низкий и высокий. Один — бульварный, другой — берущий начало в русской классике. Сделано это для того, чтобы серьезные люди, читая, качали головой: «Господи, что за сумбуз, что за анархия, что за безобразие!» А на самом деле, «акунин» — по-японски значит «злодей»: каждый мой роман описывает отдельный тип злодея.

Япония интриговала меня с детства. Я родился в Грузии, но считал себя москвичом (есть такая национальность) и даже не знаю грузинского языка. Правда, недавно высказал интересное обстоятельство: оказывается, «чхарт» по-грузински — небольшая черная птичка — не то дрозд, не то галка. А по-чешски «галка» — это «кафка». Так что я практически — «кафкашвили». Отец был артиллеристом, членом партии с 41-го года, мать — учительницей русского языка и литературы. Она очень правильно приучала меня к чтению. Сегодня один из моих друзей платит своему сыну деньги за чтение. Тот полчасика читает, а после фразы «Тут Д'Артаньян выхватил шпагу и...» захлопывает книжку и говорит: «Время кончилось». А меня мать прелестно ругала: «Ты «Войну и мир» не читай, ты еще маленький и ничего там не поймешь». И я, забросив свои детские дела, как мидот тайком читал Толстого.

Если смотреть на Японию глазами того советского ребенка, которым я был, это экзотическая, а стало быть, романтическая и авантюрная страна. Она интриговала меня своей мистической непонятностью. Но сегодня, когда, как мне кажется, я понимаю Японию и японцев, эта страна нравится мне еще больше. Меня привлекает ее благородная сдержанность, то, что по-английски называется understatement: в русском языке нет такого слова, видимо, оно противоречит национальному характеру. Хотя пора бы уже придумать. Кроме того, мне всегда нравилось, что японцы умеют создать красоту из очень скудных средств.

Но больше я не буду переводить ни с японского, ни с английского: я слишком заиграюсь сочинительством. Мой переход из состояния серьезного человека в состояние несерьезного человека начался с того, что однажды утром я проснулся и вдруг сообразил, что моя дальнейшая профессиональная биография видна до самого горизонта. Я перевел еще 20 романов, стану когда-нибудь главным редактором журнала «Иностранная литература», напишу диссертацию «Сравнительный анализ понятия «красота» у Достоевского и Мисимы...». И мне все это показалось так неинтересно, что я решил попробовать жить по-другому, пока не стало поздно. Был и иной стимул — развлечь жену. Хотелось, чтобы она отнеслась ко мне с большим почтением.

Это случилось, между прочим, 1 апреля, три с половиной года назад. Мне было сопорно. Понятно было, что ничем, кроме писания текстов, я заниматься не умею. Поэтому искать следовало все в том же литературном секторе. Для начала я скупил тогдашние бестселлеры: изучил предложение. Чтение — моя профессиональная привычка: четыре страницы, и уже складывается полная картина. Прочтя все купленное за день, я понял, что есть огромный сегмент рынка, в котором никто не работает — развлекательная литература для

квалифицированного читателя. И это именно тот вид литературы, которым мне интересно заниматься. В том числе и потому, что в литературной работе мне всегда импонировала игра. Я вообще люблю всякие игры. В детском саду больше играл в домино-матери: меня привлекало общение с противоположным полом. Потом играл в карты, в компьютер. Играть на деньги — то же самое, что писать массовую литературу: нельзя задумываться о выигрыше, это скучивает. Интерес должен быть сам процесс. У карточного Н.А. Некрасова была замечательная теория: никогда не играть на деньги, необходимые для жизни. Он заранее отводил на проигрыш какую-то часть своего годового дохода, «кармику, которую готов был потерять до последнего солдата». Именно поэтому Некрасов все время выигрывал. А Достоевский, не придерживавшийся этого правила и игравший на последнее, проигрывал.

Но игра я люблю только в литературе. Мистификации в жизни мне чужды. Однако, несмотря на моральную готовность к тому, что знакомые встретят мой проект шутками и издевательствами, до поры до времени я скрывал свое авторство. Мне было важно дождаться выхода моей книжки «Писатель и самоубийство». Не хотелось, чтобы эта вполне серьезная книга воспринималась как что-то беллетристическое или игровое.

Почему я заинтересовался суицидом? Честно говоря, мне удивительно, почему все люди, живущие на свете, не интересуются этой проблемой. Ведь вопрос, стоит ли жизнь того, чтобы прожить ее до конца, несмотря на все пакости и неприятности, — самый важный вопрос бытия. А еще обращение к этой теме связано с моими профессиональными занятиями — многие выдающиеся японские писатели покончили с собой. В частности, писателя, которого я переводил больше всего, Юкио Мисима, свел счеты с жизнью самым безобразным образом: совершил характерный акт. Акутагава и Кавабата приняли суицид, Осама Дадзай, анфатерил японской литературы, утопился в резервуаре для дождевой воды. Думаю, это происходило оттого, что японский писатель — писатель в квадрате. Писатель вообще существо довольно одиозное: он работает сам по себе и должен питаться собственными внутренними соками. А в японском обществе, которое еще очень монолитно и сплоченно, писатель особенно одиозен. Ему не с кем идентифицироваться, не за кем спрятаться, он совершенно обанчен. И когда у японского писателя начинаются проблемы с тем, что его держит на плаву — с творческим импульсом, — ему войной, второй не тяжелее, чем неопицу.

Писатель меня интересовал только как частный случай человека. О том, что поведиса электрик Петров, никто никогда не узнает, а писатель всегда все о себе развяснит. Или письмо оставит, или роман напишет.

Стоит ли удивляться, что, сочиняя первый роман о Фандорине, я вначале увидел такую картинку: парк, молодой одиозный, модно, но небрежно одетый, приставляет револьвер к виску... На первых порах я начинал с того, что придумывал интригу. Но

осталось носить галстук, которые ненавидел всю жизнь. Я ушел из «Иностранной литературы», за что многие меня упрекали. Но работа в журнале надо всерьез, а мои мозги слишком заняты сочинительством. В остальном все осталось по-прежнему. Я езжу на метро и не слышим от этого страшно. Это Шендерович боролся в отпуске сбивает, чтобы его не останавливали на улице. За границу я и раньше выезжал, правда, сегодня чаще, чем раньше, делаю это не за свой счет. Публичным человеком я так и не стал: не встречаюсь с читателями и не раздаю автографы в магазине. Я не могу сказать, что люблю интервью, но не отказывался: это было бы кокетством. Если работаешь с массовым жанром — изволь соответствовать.

было написано за все постсоветское десятилетие. Вообще же мне кажется, что сегодня в литературе начинается ренессанс. Серьезная некоммерческая литература, несмотря на все пессимистические прогнозы, по-прежнему публикуется в первую очередь в «толстых» журналах. На мой взгляд, они совсем не отжили свой век. А если сегодня и находятся в лучшей форме, то это от того, что в них в значительной степени работают люди старшего поколения, которые никак не могут настроиться на новую волну. На свете есть только две страны, где новая качественная литература вначале появляется в толстых журналах: это Россия и Япония (перенявшая эту традицию у России лет сто назад). Журналы — это наше националь-

Я не стал богатым. Но тут главное не суетиться, все должно приходить в свое время. Кроме того, богатство — понятие относительное, и зависит не от количества денег, а от самооощущения. Мне денег всегда хватало, даже когда их у меня было совсем мало.

Я пишу всего часа по четыре в день. На один роман, без отрыва от прочих производств, уходит полтора-два месяца. Но сейчас я сознательно буду писать медленнее: боюсь исхлтуриться. Чем дальше движешься, тем тоньше нужно выпиливать лобзиком.



■ Кого из литераторов вы считаете своими предшественниками?

■ Как вы оцениваете нынешнее состояние русской литературы?

■ Сохранится ли институт «толстых» литературных журналов?

■ Интернет — угроза литературе или благо?

— Я НЕ СЧИТАЮ себя писателем. Я — беллетрист. Разница между этими терминами довольно туманная, но для себя я ее объяснил. Настоящий писатель, по-моему, пишет главным образом для себя. Ему не

нужно достойное. Их надо поддерживать. Лучше, чтобы это делали частные спонсоры, если нет — пускаяй это делает государство. Деньги ведь небольшие.

На мой взгляд, ситуация сегодня меняется не только в некоммерческой, но и досуговой литературе. При том выборе, который существует, читатель больше не будет покупать что ни попаля. Признаться: как человек планового хозяйства, я только начиная свой проект, сразу рассчитываю на успех. У меня получилось, что при отсутствии рекламы на внедрение моего «продукта» уйдет года три, а вероятность полного успеха я оценивал процентов в 20. Но оказалось, что я не представлял себе своего потенциального читателя. Я думал, что пишу для умников, которые в обычное время читают Дюррду, а когда у них начинают дымиться мозги, им приходится на ум взять мою книжку. Оказалось, круг моих читателей заметно шире. Понятно почему: сегодня есть потребность в такого рода литературе. Россия по-прежнему продолжает оставаться очень читающей страной, и здесь живет множество людей, для которых важен не только сюжет, но и то, как это написано.

На сегодняшний день каждая моя книжка вышла тиражом около 100 тысяч экземпляров. Для твердой обложки это нормально. Замечу, что 90 процентов книг было продано после 1 января 2000 года. А конкуренция я не боюсь. Сочине-

рым иначе было бы трудно прожиться и переродиться во что-то более серьезное. По-моему, это очень питательная и полезная среда. Конечно, там можно прочесть и про наркотики, и про то, как покончить с собой. Но что делать? Вопрос о нравственной ответственности литературы мне кажется сомнительным и чреватым цензурой. Литература вообще дело опасное и вредное. Любое живое слово может быть как лекарство, так и ядом. Но взрослая литература в принципе пишется для людей ответственных, способных принимать решения.

Мне вообще кажется, что в скором времени бумажная книга сойдет. И слава богу, леса будут целее. Уже лет через пять-десять человек вообще перейдет на электронные книги, и это будет чудесно: дома освободится множество места и не надо будет дышать пылью. Сегодня у меня правило: дома 24 книжных полки и, когда я покупаю новую книгу, одну старую выкидываю. А так у меня дома будут стоять 4 электронных книги: маленькая, для дороги, большая, с атласами и картинками, одна справочно-энциклопедическая и книжка для жены.



■ Откуда вы черпаете сведения о действиях тайной полиции?

■ Как ваши политические взгляды соотносятся со взглядами вашего героя?

■ Что вы вкладываете в понятие «историзм», «государственность», «национальная идея»?

■ Как смотрите на нынешнего президента?

— Я НЕ УВЕРЕН, что сочинитель детективных романов должен отвечать на политические вопросы, но поскольку я живу в этой стране, то ничего не поделаешь.

Непосредственный знакомства с тайной полицией у меня не случилось. Правда, однажды ко мне подкатывался какой-то ли Александр Иванович, то ли Иван Сергеевич... А в институте меня не вербовали: анкета была неподходящая. Я был беспартийным и пр., и пр. На мое, с позволения сказать, творчество существуют противоположные точки зрения: одни говорят, что писатель не любит Россию, другие обвиняют «великодержавный держимордой». И те, и другие не правы. Если говорить об эмоциональной — не знаю, можно ли сказать идеологической — сути, мои книжки про то и ее, несмотря на все недостатки, можно любить. А столица нашей родины меня просто интригует. Москва — город с большой буквы, один из самых интересных, а может быть, и самый интересный город на планете. Те тектонические сдвиги, которые произошли в стране, сказываются не сразу, а спустя десять лет. И сегодня в Москве — мощный драйв и потрясающая энергетика. Этот город сразу погружает тебя в некий культурный бульон очень интересной консистенции. Может, с Москвой можно сравнить только Нью-Йорк. Париж

или Лондон, по-моему, сильно прожиге. В Москве жило очень много людей, и все они под нами похоронены. То, что они чувствовали и думали, не исчезло, а растворено вокруг. Мегаполисов, где мертвых больше, чем живых, как страна не много.

Я не очень хорошо знаю старую Москву и в значительной степени ее выдумываю. А вот русскую историю, начиная с реформ Александра II и до революции, как историк по образованию представляю себе довольно хорошо. Мне симпатичен этот период, а более всего — его литература. Я всегда с удовольствием читал Давыдова и Идельмана. Без удовольствия — Пилуля: он много писал о Японии. Но из исторических романистов мне больше всего импонирует Алданов. Вообще, к понятию «историзм» я отношусь очень легкомысленно. Я пользуюсь архивами, газетами, книгами, то есть я знаю, как все было на самом деле. Грех было бы не воспользоваться в истории частотой происхождением, что нарочно не придумаешь.

Но я не Тацит, а, скорее, Александр Дюма. И чтобы показать, что персонажи принадлежат мне, а не истории, немного меняю фамилии: Толстой — Толстов, Вельтше — Вельшев, Скобелев — Соболев и так далее. Поменяешь одну-две буквы — и делай с героем что хочешь. Например, интригу романа «Пелатия и белый бульдог» я придумал, но в основе, конечно, муланское дело, о котором писал еще Короленько. Кстати, у этой книжки посвящение: «С любовью Н.С. и Ч.Г. Н.С. — это Лесков, а Ч.Г. — многие думают, что я сам себе посвятил, но на самом деле любовь адресована Чарлику, белому боксеру Сергея Ганглевского. Сейчас я пишу продолжение «Пелатия и Черный Монах».

Мой герой Эраст Фандорин меняется, и меняются его политические воззрения. В романе «Коронация» Эраст Петрович уходит с государственной службы. Потому что он живет по Конфуцию, а тот говорил, что благородный муж служит государю до тех пор, пока это не приводит в противоречие его представлениями о чести. И мне кажется, если бы Фандорина назначили, например, в нашу комиссию по борьбе с коррупцией, он бы довольно быстро ее покинул. Если честно, я до сих пор не знаю, что такой Путин и чего больше он принесет этой стране — добра или зла. Но одно мне ясно уже сегодня: писатель не любит Россию, другие обвиняют «великодержавный держимордой». И те, и другие не правы. Если говорить об эмоциональной — не знаю, можно ли сказать идеологической — сути, мои книжки про то и ее, несмотря на все недостатки, можно любить. А столица нашей родины меня просто интригует. Москва — город с большой буквы, один из самых интересных, а может быть, и самый интересный город на планете. Те тектонические сдвиги, которые произошли в стране, сказываются не сразу, а спустя десять лет. И сегодня в Москве — мощный драйв и потрясающая энергетика. Этот город сразу погружает тебя в некий культурный бульон очень интересной консистенции. Может, с Москвой можно сравнить только Нью-Йорк. Париж

Что касается «государственности», то, на мой взгляд, в этом вопросе сегодня происходит некоторая полнота. Пол «государственностью» подразумевают что-то, направленное против личности. Тогда как правильное государство должно личность защищать и создавать ей условия для развития. «Диктатура закона» тоже не по мне, ведь на деле она всегда превращается в диктатуру охранительных органов. Мне кажется, возрождение России возможно только из провинции. И поэтому, на мой взгляд, сегодня следует не укреп-

лять вертикаль власти, а давать больше простора регионам. В этой связи любопытно единение Владимира Исаевича с Александром Исаевичем, который сторонник земства и вроде бы провинциализма.

Кстати говоря, на последних выборах я — впервые в жизни — голосовал за Явлинского. Я знал, что он не выиграет, но считал важным, чтобы либеральная оппозиция, которую он олицетворяет, получила как можно больше голосов. Не получилось. И сейчас я уверен, что «под Путиным» нам жить еще совсем лет. Любимый политический лидер представляет собой пирамиду, которая под ним вырастает. Эту пирамиду строят с места очень трудно, особенно если в стране не было катаклизмов и население этой страны будет заинтересовано в преемственности.

Национальная идея — не политический курс, который может меняться, а некий нравственный камертон, и его не придумаешь. В конце концов тот моральный кодекс, который содержится в произведениях русской классической литературы, Толстого, Достоевского, Чехова, способен объединить любую нацию. Но из произведений все понятно: что важно, что не важно, ради чего стоит жить, ради чего не стоит, что делать можно, а что ни в коем случае нельзя. Поэтому, мне кажется, надо попытаться возродить русскую классическую традицию, лучше, что создано этой страной за тысячелетия ее существования. Причем это возрождение должно произойти на всех уровнях культуры.

■ Над чем сейчас работаете?

— ЧЕМ я планирую сегодня заниматься? Собираюсь написать еще две пьесы: настоящую комедию и пьесу про старость. Кстати, когда я писал «Чайку», я писал шутку, лиризм, и никогда не предполагал, что ее могут поставить на настоящей сцене. Но ее ставят. На одном из телеканалов мне даже предложили сделать целую серию продолжений русских классических романов. Но я отказался: прием, повторенный дважды, неинтересен. У меня и про Фандорина все книги разны. То я Фандорина назначили, например, в нашу комиссию по борьбе с коррупцией, он бы довольно быстро ее покинул. Если честно, я до сих пор не знаю, что такой Путин и чего больше он принесет этой стране — добра или зла. Но одно мне ясно уже сегодня: писатель не любит Россию, другие обвиняют «великодержавный держимордой». И те, и другие не правы. Если говорить об эмоциональной — не знаю, можно ли сказать идеологической — сути, мои книжки про то и ее, несмотря на все недостатки, можно любить. А столица нашей родины меня просто интригует. Москва — город с большой буквы, один из самых интересных, а может быть, и самый интересный город на планете. Те тектонические сдвиги, которые произошли в стране, сказываются не сразу, а спустя десять лет. И сегодня в Москве — мощный драйв и потрясающая энергетика. Этот город сразу погружает тебя в некий культурный бульон очень интересной консистенции. Может, с Москвой можно сравнить только Нью-Йорк. Париж

Полосу подготовила
Юнна ЧУПРИНА
Фото Артема ЖИТЕНЕВА



Свободы и преуспеяния